

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.10>

Разиньков Михаил Егорович

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КОМБАТАНТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ "ДОЛГОЙ ВОЙНЫ" В РОССИИ (1914-1922 ГГ.)

В статье рассмотрен вопрос о внутриличностных, психологических резервах комбатантов в ситуации "долгой войны" 1914-1922 гг. Исследование выполнено в русле военно-антропологического подхода и опирается на понятия, сложившиеся в таких направлениях современной психологической науки, как психология жизнестойкости и психология экстремальных ситуаций. Автор на основании архивных и мемуарных источников приходит к выводам о том, какие факторы оказывали существенное влияние на успешную адаптацию комбатантов к экстремальным условиям военных действий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 53-58. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 25.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.10>

В статье рассмотрен вопрос о внутриличностных, психологических резервах комбатантов в ситуации «долгой войны» 1914-1922 гг. Исследование выполнено в русле военно-антропологического подхода и опирается на понятия, сложившиеся в таких направлениях современной психологической науки, как психология жизнестойкости и психология экстремальных ситуаций. Автор на основании архивных и мемуарных источников приходит к выводам о том, какие факторы оказывали существенное влияние на успешную адаптацию комбатантов к экстремальным условиям военных действий.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; Гражданская война в России; военно-историческая антропология; жизнестойкость; психология экстремальных ситуаций; психофизиология; комбатанты.

Разиньков Михаил Егорович, к.и.н., доцент

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова

razinkov_mihail@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КОМБАТАНТОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ «ДОЛГОЙ ВОЙНЫ» В РОССИИ (1914-1922 ГГ.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00814 (18-00-00813).

Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война стали суровым испытанием для населения страны. В армии в одном строю оказались профессиональные военные и недавние представители гражданского населения. **Целью** этой статьи является анализ психофизиологических механизмов, способствовавших успешной адаптации комбатантов (в том числе непрофессионалов) к условиям войны и формированию эффективных в боевом отношении частей воюющих армий. **Актуальность** исследования заключается в том, что верная по существу оценка событий 1914-1922 гг. как гуманитарной катастрофы не дает возможности понять, как адаптируется к войне личность, умеющая и желающая воевать. При этом современные направления психологической науки, такие как психология жизнестойкости и психология экстремальных ситуаций, ориентируют нас не только на описание трудных, экстремальных и чрезвычайных ситуаций, но и указывают на пути здорового выхода личности из них. Продуктивным является и обращение к психофизиологии, в рамках которой ведутся исследования влияния экстремальных ситуаций на поведение личности [6; 15; 17-19; 24]. Исходя из сказанного, в статье намеренно будут обходить стороной вопросы, связанные с болезненными переживаниями войны и их патологическими последствиями. **Научная новизна** нашей работы заключается в сочетании в рамках военно-антропологического подхода собственно исторического материала с исследовательскими выводами перечисленных направлений психологии.

Жизнестойкость определяется психологами как выносливость человека перед лицом испытаний, возможность действовать в них эффективно. В существенной мере жизнестойкость является показателем психологического здоровья личности. Компонентами жизнестойкости являются: а) «вовлеченность» – убеждение в том, что включенность в происходящее дает шанс найти нечто важное для себя; б) «контроль» – уверенность в том, что личность в существенной степени может контролировать происходящее; в) «принятие риска» – готовность рисковать для приобретения нужного опыта, саморазвития [2; 6, с. 24-25].

Универсальное понятие жизнестойкости как нельзя лучше подходит для описания определенной категории комбатантов, воспринимающих участие в военных действиях как призвание. М. Г. Дроздовский в самом начале Первой мировой сетовал: «Я далек от боевой линии, это угнетает меня, но начальство не пускает меня вперед. Здесь (при штабе. – М. Р.), правда, больше в курсе дела, но зато не услышишь свиста пули, а без этого разве война – война!!! Ничего, пойдут убитые и раненые, а также ищущие места побезопаснее, будет и мне замена. Эта война, величайший исторический момент – моя великая, самая страстная мечта, и я принужден оставаться в стороне, разве можно сказать, что я участвую в ней?» [11, с. 149].

Такие личности, даже обладая возможностью заниматься организационной работой, просились на фронт. Преподаватель Николаевской военной академии С. Л. Марков дважды, в 1914 и 1916 гг., отказывался от «сухой теории», настойчиво и вопреки системе старшинства добываясь командования полком, лично участвовал в боях, демонстрируя свое презрение к смерти. Несмотря на то, что в письмах генерала присутствуют элементы фатализма («Здесь постоянно ходишь по краю могилы и твердо знаешь, что не имеешь легкой карьеры. В последние бои я давно приговорил себя к мысли умереть в рядах полка, которым руковожу уже почти 4 месяца...») [14, с. 512]), его тянуло на войну, куда он добровольно отбывал и в 1904, и в 1914, и в 1916, и в 1917 гг.

Подобное движение шло не только «сверху вниз», но и «снизу вверх». Помимо генштабистов желание воевать, и, главное, успешная самореализация в этом деле проявлялась у младших офицеров. Организатор партизанских отрядов в годы Первой мировой войны Л. Н. Пунин был поручиком, казак-партизан В. М. Чернецов – сотником и т.п. Несмотря на то, что сведения, находящиеся в распоряжении исследователя, касаются офицеров, есть все основания предполагать, что подобная «тяга к войне» существовала и у обычных солдат: полные банты георгиевских крестов и прочие знаки отличия – бесспорное свидетельство этому.

Встречая сопротивление на пути к своему призванию, «люди войны» могли настойчиво стремиться преодолеть его. «Дроздовцы в огне» А. В. Туркула дают нам портрет автора, глубоко преданного армии, готового «умереть за штандарт» и честь [25]. Однако если обратиться к биографии Антона Васильевича, мы увидим молодого добровольца, бросившего недолгую гражданскую службу в обмен на чин рядового 56-го Житомирского полка, дважды пытавшегося поступить в Одесское и Тифлисское военные училища и оба раза неудачно. В конце концов, в 1913 г. А. В. Туркул был уволен в запас в чине младшего унтер-офицера, и только мировая война, многочисленные георгиевские награды, неоспоримая доблесть позволили ему стать штабс-капитаном императорской армии. Двенадцатилетнего мальчика-героя русско-японской войны Н. А. Зуева не смутило то, что вместо трех георгиевских крестов, с которыми он позировал на газетных фотографиях, ему дали только один, и то много после окончания войны. Успешно окончив военные учебные заведения, он поступил в отряд особой важности Л. Н. Пунина, командовал дивизионом бронепоездов в период Гражданской войны. В эмиграции Н. А. Зуев стал активным участником РОВС, основателем школы разведчиков: четырежды проникал в СССР, занимая в 1937 г., по одному из свидетельств, пост помощника начальника штаба Ленинградского военного округа [27, с. 204-205].

«Люди войны» не желали быть простыми исполнителями. Первая мировая война с ее позиционностью создавала особенно тягостную среду для психики тех из них, которые не могли реализовать свой интеллект, личные амбиции, заставляя искать точки выхода. Думается, что представленная в 1915 г. Л. Н. Пуниным система создания отрядов особой важности как раз была одним из таких способов самореализации. Привлекательная поначалу идея возродить славные традиции партизанских отрядов 1812 г., поддержанная на самом высоком уровне, оказалась в реальности малоуспешной, однако Л. Н. Пунин до самой своей смерти в 1916 г. упорно не желал в это верить. Если комментировать эту ситуацию с точки зрения психологии жизнестойкости, то можно увидеть, что недостаточно полное соответствие ситуации вовлеченности (потеря ценности происходящего из-за отсутствия активных действий), контролю (нахождение на посту младшего офицера не позволяло контролировать происходящее, а умному и патриотичному молодому человеку быть «пушечным мясом» не хотелось) и принятию риска (обесмысливание повседневного риска в силу вышеуказанных причин) привело к поиску конструктивного выхода из нее в виде проекта отряда особой важности.

Создатель психологии жизнестойкости С. Мадди пользовался для обозначения этого понятием “hardiness”. «Согласно Большому англо-русскому словарю, “hardiness” – выносливость, крепость, здоровье, устойчивость, смелость, отвага, неустранимость, дерзость, наглость. Соответственно “hardy” – выносливый, стойкий, закаленный, смелый, отважный, дерзкий, безрассудный; выносливый человек» [2]. В этом отношении, несмотря на то что личностные характеристики «людей войны» достаточно многообразны и не позволяют говорить о какой-то доминантной черте характера, способствующей успешной реализации призвания к военному делу, очевидно, что для них черты hardiness присущи в полной мере.

Можно выделить, по крайней мере, два психотипа личностей, успешно реализовавших себя в военном деле.

Описывая членов пунинского отряда, О. А. Хорошилова отмечает в качестве успешных разведчиков и партизан лиц холерического и гипертимного склада. С. Н. Булак-Балахович описывается как личность демонстративная и честолюбивая. Чтобы подчеркнуть свои достоинства, Станислав Никодимович не брезговал ложью, выдумывая свои подвиги и награды, однако «разведчиком Балахович был от бога. Хитрый, осторожный, одновременно горячий и храбрый» [27, с. 67]. Свообразным аналогом С. Н. Балаховича был, вероятно всего, А. Г. Шкуро, изображавшийся в мемуарах беспокойным, энергичным и склонным к авантюрам [5, с. 252]. Известный своей независимостью, дерзостью с начальством, Р. Ф. Унгерн фон Штернберг характеризовался тем же начальством как преданный военному делу человек, «безукоризненной доблести и храбрости офицер», отчаянный и предприимчивый в разведке. Будучи пять раз ранен, Унгерн всегда возвращался в строй, а его дисциплинарные проступки приписывались либо простительным чертам характера, либо переутомлению [3, с. 62; 27, с. 68].

Для императорской армии такие люди были персонами с существенными чертами маргинальности, но маргинальности приемлемой. Во время Гражданской войны их честолюбие, активность, склонность к авантюрам при наличии очевидных интеллектуальных качеств становились незаменимыми при организации всякого рода отрядов. Например, известный на Севере красный командир осетин Х. М. Дзарахохов приобрел популярность именно как «умный и быстро ориентирующийся в обстановке человек». На его интеллект указывает знание английского языка, а на авантюристичность – то, что он вообще оказался на Севере (впрочем, не только это) [16, с. 129]. Биография другого красного командира – действовавшего в Воронежской губернии И. П. Шматко – вообще напоминает боевик. Более года И. П. Шматко со своим отрядом внедрялся в повстанческие формирования, действовавшие на богучарщине, уничтожая их десятками. К сожалению, прямых указаний на его характер нет, но косвенные данные рисуют все ту же картину: личная храбрость (четыре георгиевских креста, георгиевские медали 2-4 степеней, орден Красного знамени), маргинальность для старой армии (арестовывался в 1917 г.), вспыльчивость (упоминает, как порубил в припадке ярости один из сдавшихся повстанческих отрядов, за что получил выговор от начальства), честолюбие (в комиссии по делам бывших красных партизан по этому поводу случился целый скандал, поскольку богучарцы заметили, что в своих воспоминаниях И. П. Шматко пытался «подвинуть» фигуру другого харизматика – В. А. Малаховского) [7, д. 7, л. 81-84; 8, д. 843, л. 36-50]. Наличие таких типажей, склонных к отчаянным поступкам, причем длительное время, невозможно объяснить одним боевым аффектом. Этот момент был верно подмечен Е. С. Сеньянской: «Разумеется, наряду со страхом существует и явление ему противоположное.

Это бесстрашие... Существует два основных его вида – как черта характера и как временное, ситуативное явление (в данном случае аффект. – М. Р.)» [23, с. 536].

Однако определять военных, способных успешно действовать во время боя, только как холериков и гипертимов было бы большой ошибкой. Один из командиров в пунинском отряде особой важности – поляк Г. А. Домбровский – характеризовался как «мягкий, даже застенчивый, сдержанный, скрытный. Однако эти качества не мешали боевой работе, а, наоборот, помогали. Домбровский был отличным разведчиком, просчитывал все ходы наперед, что называется, кожей чувствовал опасность». Интересно, что О. А. Хорошилова добавляет при этом: «Он не был военным до мозга костей, и, вероятно, стал бы неплохим математиком или инженером, если бы не война» [27, с. 67]. Вдумчивым организатором, склонным к конспирации революционером предстает командующий рыбинскими, а затем воронежскими ЧОН К. Ф. Бурутин. Между прочим, ему, в отличие от Г. А. Домбровского, удалось перейти к мирной жизни, трудясь на руководящих хозяйственных должностях районного масштаба. «Милитарное» мировоззрение Константина Федоровича было унаследовано его сыном – танкистом, начальником оперативного отдела штаба корпуса В. К. Бурутиным и племянником – генерал-полковником Г. А. Бурутиным, занимавшим пост первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба [12, с. 2; 13, с. 71-74].

Интересную характеристику молодому Л. Г. Корнилову давал А. П. Богаевский: «С генералом Корниловым я был вместе в Академии генерального штаба. Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, он был малозаметен в академии и только во время экзаменов сразу выделился блестящими успехами по всем наукам» [4, с. 224]. Интровертность М. Г. Дроздовского подчеркивал А. И. Деникин: «...Дроздовский – мрачный, замкнутый, не любивший делиться своими надеждами и сомнениями с окружающими, твердо и решительно вел отряд вперед, напролом, руководствуясь не столько реальными данными, сколько верой и внутренним чувством» [10, с. 330]. Склонность к авантюрам и решительным действиям была характерна и для них.

Разобраться в том, что именно способствовало таким различным по характеру людям успешно адаптироваться и самореализовываться в условиях войны помогает психофизиология экстремальной деятельности. Исследованиями [18, с. 63-64] доказано существование двух противоположных типов приспособления людей к экстремальным ситуациям: 1) «спринтеров» – способных с первых минут приспособляться к быстро меняющимся ситуациям, сохраняя высокий уровень психической и физической работоспособности; 2) «стайеров» – адаптирующихся к экстремальной ситуации путем «постепенного нарастания мобилизации ресурсов центральной нервной системы, эндокринной системы, обменных процессов, систем кровообращения и дыхания, иммунной защиты, выделительных и барьерных функций» [26, с. 39]. Не отождествляя абсолютно психотипы комбатантов с данными адаптивными стратегиями организма, отметим несомненное сходство в описаниях. Косвенно это подтверждается и «изнанкой» адаптационного процесса. Дело в том, что исследователями отмечается, что индивиды «спринтерского» типа относительно быстро исчерпывают свои ресурсы, что способствует не только психическому истощению, но и развитию острых инфекций, гипертонии, психических заболеваний. Патологии психики у Р. Ф. Унгерна фон Штернберга, связанные с постоянным нахождением в экстремальной ситуации, стремление компенсировать это алкоголем и наркотиками; явное психическое нездоровье Ф. К. Миронова и А. В. Колчака (в этом случае вкупе с тяжелым воспалением легких и опять же возможной наркоманией), переутомление и пьянство А. Г. Шкуро, описания психических срывов (например, у И. П. Шматко) косвенно указывают на их принадлежность как раз к «спринтерскому» адаптивному типу.

Чтобы объяснить все многообразие реакций индивидов на экстремальные ситуации, мы должны учитывать наличие третьего типа адаптивного поведения, так называемых «микстов», которые неспособны переносить как быстрые перегрузки, так и длительное экстремальное воздействие. Можно предположить, что большая часть привлекаемого гражданского населения, в том числе и добровольцев, принадлежала именно к среднему типу реакции на воздействие экстремальных условий войны. Одновременно крестьянская психология солдат, с ее приспособлением к природным циклам, размеренностью жизни, ориентирует нас на характеристику их как «стайеров».

Данные по большинству комбатантов, за исключением, быть может, ярко выраженных холериков или флегматиков, не позволяют четко отнести их к определенному типу адаптации на основании имеющихся данных. В этом сказываются ограниченные возможности источников. Для примера приведем одно из писем Л. Н. Пунина: «Что значит быть обстрелянным? Артиллерийский обстрел понимают и трактуют неправильно. Существует положение, будто бы можно быть обстрелянным, то есть можно дойти до такого состояния, когда огонь должен казаться вещью нормальной. Ерунда. Правда, вторичное, третичное пребывание под огнем уже парализует любопытство к нему – огонь встречается более спокойно – не боишься смотреть на разрывы и взрывы, но зато с каждым новым разом чувство самосохранения говорит сильнее, он (огонь) с каждым разом делается противнее – действует неприятно. Это явление мне более понятно – после пребывания под огнем нервы страшно напряжены, психика подорвана – это не проходит в одну ночь после сна или в несколько дней. На войне отдыха нет, а есть новая трепка нервов – поэтому не приходится говорить о здоровых нервах. На войне их нет. Логично было бы иметь отдых после каждого такого нервного напряжения, а после целого периода он просто необходим – нервы могут не выдержать» [27, с. 40-41]. Характеристики Л. Н. Пунина как рационалиста, человека, умеющего гасить конфликты подчиненных и предположительно «стайера», находится в противоречии с его же собственными заметками, из которых видно, что постоянное пребывание под огнем с каждым разом истощало его психику, то есть демонстрирующими «спринтерский» тип адаптационного поведения.

Еще один блок информации, которую предоставляет эмпирический материал – это данные о психофизиологическом перенесении механических воздействий на тело, то есть ранений. Как представляется, характерной чертой комбатантов, умевших успешно преодолевать военные трудности, был высокий болевой порог. Спокойное, отстраненное отношение к ранению содержится в мемуарах прапорщика С. М. Пауля. 3 марта 1918 г. он был ранен в ногу, однако остался в строю и не обратил на ранение особого внимания. После боя сестра милосердия делала ему перевязку, а он разглядывал простреленный сапог: «Сапог как сапог; только два отверстия от пули – входное и выходное». 24 марта его ранило уже в голову: «Пуля попала в правый глаз, разбила глазную скуловую дугу, глаз увлекла с собой в рану, пробила обе челюсти и вышла под правым ухом», что вызвало потерю сознания. Очнувшись, Пауль попробовал ползти, но снова потерял сознание. Однополчане наскоро перевязали его и положили лицом вниз в ямку, чтобы не захлебнулся, «так как кровь шла у меня из ушей, носа, рта и раны». Через несколько часов его, лежащего, ранило в ногу шрапнелью с бронепоезда – пуля перебила икру. Однако уже 8 апреля он начал ходить, самостоятельно являясь на перевязки. Пауль спокойно описывает, как без всякой анестезии у него извлекали остатки глаза пинцетом, как от редких перевязок глазное отверстие загноилось и «гною [натекло] несколько стаканов» [4, с. 200, 206-215]. В этих описаниях слились воедино и болевой шок от ранения, и спокойный, терпеливый склад характера, и даже национальные черты – автор был латыш.

Совсем иное отношение к ранению видим у прапорщика Р. Б. Гуля. Для него ранение в ногу (пуля не задела кость) – тяжелое испытание, страшная рана: «Что это?! Кто меня ударил по ноге? Какая боль! Я покачнулся, схватился за ногу... Кровь... Ранен... Я опираюсь на винтовку, тихо иду назад к будке. Сзади летят, жужжат пули. “Сейчас еще раз ранит, может быть, убьет”, – пронесится в голове. Нога ноет, как будто туго перетянута... На будке одна сестра. Около нее сидят, лежат, стоят раненые... Сестра перевязывает и ласково улыбается: “Ну, счастличик вы, еще бы полсантиметра – и есть”» [9, с. 69]. Остаток Ледяного похода Гуль провел в обозе на повозках. Отличие от С. М. Пауля (напомним, также раненого сначала в ногу) поразительное. Не будем упрекать Р. Б. Гуля в слабости, трусости, нам неизвестна точная характеристика раны; кроме того, после войны Гуль стал убежденным критиком гражданского противостояния и мог рассказывать так о ранении специально, чтобы подчеркнуть бесчеловечность военных действий. Однако разница в характерах, в восприятии боли очевидна.

Сходные различия видим в личных анкетах коммунистов – работников политотдела штаба 8-й армии РККА. Отвечая на вопрос о физическом здоровье и пригодности к военной работе, часть опрошенных писали о своем больном состоянии, плохом самочувствии, комиссовании в предыдущие годы (до партийной мобилизации), подчеркивая непригодность к службе: «ранен, отпущен 1917 год как негодный на службу» (И. К. Янсон, латыш, 24 года), «ранен два раза, признан не в строй» (Д. К. Ливенцев, 32 года), «состояние здоровья ниже среднего» (В. Н. Иванов, 28 лет), «больной и зубов нет» (Н. Т. Кутин, 37 лет). Однако были и те, кто, несмотря на физические страдания, были готовы продолжать работу: «[физическое состояние] хорошее, ранение в левую руку, слабо действует» (А. А. Есков, 20 лет), «имею ранение, здоровье среднее, доброволец» (И. П. Морозов, 25 лет) [20, д. 55, л. 6, 312, 341, 358, 360, 363].

Естественно, что военное руководство было заинтересовано в привлечении лиц, чувствующих свое призвание к войне, обладающих необходимыми личностными качествами и свойствами характера, физиологически предрасположенными к успешному выполнению боевых задач. Отряды особой важности в Первую мировую войну комплектовались георгиевскими кавалерами, многие из которых имели полный бант (4 креста и 4 медали соответствующих степеней). Ту же цель преследовали требования к бойцам спецотрядов РККА и ЧОН: преданность коммунистической идее, «бдительность, осторожность, смекаливость», умение действовать, «сообразуясь со сложными и опасными условиями при исполнении заданий» [1, с. 208]. Опытных бойцов, особенно на руководящие позиции, привлекали крупными денежными суммами: в 1918 г. командир батальона РККА получал 1200 р., начальник конной разведки – 800 р., стрелок бронепоезда РВС Южфронта – 500 р., в то время как обычные бойцы – всего 300 р. [21, д. 8, л. 19, 94 об., 126].

Однако, «как показала практика, часть отрядов, укомплектованных георгиевскими кавалерами, выполняла работу вяло, а то и вовсе отсиживалась в тылу», – отмечает О. А. Хорошилова, объясняя это тем, что у таких героев попросту не было стимула, так как все награды за службу они уже получили [27, с. 20]. Боеспособность коммунистических отрядов в 1918-1919 гг. также вряд ли была особенно высока. Формировались они по территориальному принципу, обучение проводилось ускоренно, месяц-полтора, такими же беглыми были, по-видимому, медкомиссии, по результатам которых, впрочем, бойцы могли распределяться в различные подразделения. О количественном и качественном составе коммунистических организаций в особых отрядах 1918-1919 гг. говорит следующий факт: почти все коммунисты в воронежском пехотном батальоне ЧК были приняты в РКП(б) сразу после создания батальона, то есть наспех. Всего в батальоне на апрель 1919 г. было 18 (!) коммунистов и 62 сочувствующих. Интенсивная культурно-просветительская работа среди бойцов, начавшись в апреле 1919 г. (батальон образован в августе 1918 г.), к июлю совершенно прекратилась в силу обострения боевых действий [22, д. 4, л. 64-72, 74]. Таким образом, «механические системы» набора спецотрядов могли не приносить желаемого успеха.

Подобные неудачи можно объяснить и с точки зрения психофизиологии, поскольку адаптация зависела не только от внешних социальных факторов, но и от длительности пребывания на службе, здоровья, психотипа, типа адаптации к экстремальной ситуации, адаптивной способности (высокой или низкой), устойчивости к стрессам. Возможное преобладание среди георгиевских кавалеров «спринтеров» объясняет их нежелание активно действовать не только потерей социальной мотивации, но и известной усталостью, истощением.

Позитивное воздействие на личность военнослужащего обучения военному делу, отмечаемое в современных исследованиях [15, с. 148], нивелировалось незначительным временем его прохождения, тем более что в РККА в годы Гражданской войны это сопровождалось подозрительностью к любым «старорежимным» проявлениям дисциплины. Военные, чувствующие призвание к профессии, могли переоценивать свои адаптивные возможности либо вообще не знать о них. Последнее также касается и добровольцев. Известны неорганизованность, быстрое разложение добровольческих отрядов Красной армии при отсутствии должного контроля со стороны командования или командира-харизматика. Профессиональными военными отмечалась низкая боеспособность частей, сформированных хотя и из добровольцев, но – недавних штатских. Все это говорит о том, что идеалистические мотивы, которыми руководствовались добровольцы при изначальном поступлении на службу, могли столкнуться с серьезными препятствиями чисто психофизиологического свойства.

Всеобщие мобилизации, характерные как для Первой мировой, так и для Гражданской войны, вообще привлекали в армию всех, включая, конечно, и людей с низкой мотивацией, низкими адаптивными способностями. Эти негативные факторы далеко не всегда компенсировались кратковременным обучением военному делу. В условиях Гражданской войны к этому добавлялись минимальное медицинское обеспечение, перманентное нахождение в районе боевых действий, не позволявшее людям с пониженными адаптивными способностями преодолевать физические недуги психосоматического свойства, а «спринтерам» – успешно восстанавливаться.

Возможным фактором, повышающим боеспособность в подразделениях, было наличие опытного и харизматичного командира, кстати, как показывает практика, из числа бывших георгиевских кавалеров или красных орденосцев. Ситуацию могло исправить и комплексное обучение [Там же]. Известно о стойком поведении красных курсантов, обучение которых было более длительным и профессиональным. Что касается концентрации «идейных» в отрядах, то к началу 1920-х гг. ситуация в советских частях стала очевидно изменяться. К этому моменту ЧОН формировались из коммунистов и комсомольцев. Бойцы выбывали из рядов ЧОН в случае исключения из партии или комсомола. Например, к 1923 г. в списке из 22 разведчиков Еланской роты особого назначения (Саратовская губерния) 8 человек состояли в РКСМ, остальные были членами РКП(б) [28, с. 29, 60-61]. Интересно, что белогвардейцы как раз жаловались на обратный процесс, когда массовые мобилизации и убыль в результате боев «размывали» офицерский и добровольческий состав изначальными крепкими рот и батальонов.

Таким образом, исторические источники фиксируют наличие различных типов успешной адаптации комбатантов к условиям военных действий. На степень этой успешности влияли не только личное желание, но и психофизиологические факторы, особые для каждого типа. Одновременно условиями, позволявшими формировать эффективные боевые части, были:

- 1) выявление личностей, считающих своим призванием военное дело, и допуск их к непосредственному участию в боевых действиях;
- 2) предоставление возможностей для проявления такими людьми инициативы на командных должностях всех уровней;
- 3) подбор командного состава, что было особенно важно для подразделений, состоявших из непрофессиональных военных;
- 4) систематическое профессиональное обучение и идеологическая работа;
- 5) организация отдыха, особенно для индивидов «спринтерского» типа адаптации;
- 6) создание системы здравоохранения, позволяющей восстанавливать потенциал здоровья не только «спринтерам», но и людям с низкими адаптивными способностями.

Список источников

1. **Абраменко И. А.** Коммунистические формирования – части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920-1924 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 304 с.
2. **Александрова Л. А.** К концепции жизнестойкости в психологии [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x2636> (дата обращения: 25.03.2019).
3. **Барон Унгерн в документах и мемуарах** / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. 661 с.
4. **Белое дело**: в 16-ти т. М.: Голос, 1993. Т. 2. 368 с.
5. **Белое дело**: в 16-ти т. М.: Голос; Сполохи, 1996. Т. 7. 368 с.
6. **Богомаз С. А., Баланев Д. Ю.** Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 23-28.
7. **Государственный архив Воронежской области**. Ф. Р-905. Оп. 1.
8. **Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области**. Ф. 5. Оп. 1.
9. **Гуль Р. Б., Деникин А. И., Будберг А. П.** Ледяной поход. Поход и смерть генерала Корнилова. Дневник. 1918-1919 годы. М.: Молодая гвардия, 1990. 318 с.
10. **Деникин А. И.** Очерки русской смуты: в 3-х кн.: в 5-ти т. М.: Айрис-пресс, 2006. Кн. 2. Т. 2-3. 736 с.
11. **Дроздовский и дроздовцы** / науч. ред. В. Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2006. 692 с.
12. **Китаев А.** Бурутины // Новая жизнь. 2012. 21 февраля.
13. **Литвинов Р. Н.** Отряды ЧОН. Очерки истории воронежских частей особого назначения. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1968. 88 с.
14. **Марков и марковцы** / под ред. В. Ж. Цветкова. М.: НП «Посев», 2001. 552 с.
15. **Маруняк С. В.** Динамика психофизиологической адаптации молодых специалистов военно-морского флота к экстремальным условиям служебно-боевой деятельности: дисс. ... к. биол. н. Архангельск, 2005. 205 с.
16. **Морозова О. М.** Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.

17. **Одинцова М. А.** Психология жизнестойкости: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2015. 296 с.
18. **Основы психофизиологии экстремальной деятельности** / под ред. А. Н. Блеера. М.: Анита Пресс, 2006. 380 с.
19. **Рогачева Т. В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е.** Психология экстремальных ситуаций и состояний: учеб. пособие. Томск: Изд. дом ТГУ, 2015. 276 с.
20. **Российский государственный военный архив (РГВА).** Ф. 191. Оп. 2.
21. **РГВА.** Ф. 191. Оп. 3.
22. **РГВА.** Ф. 17065. Оп. 1.
23. **Сенявская Е. С.** Психоистория на примере изучения психологии участников российских войн XX в.: исследовательские методы и их возможности // АСТНО NOVA – 2000: сб. науч. ст. М.: Глобус, 2000. С. 507-540.
24. **Смирнова Н. Н.** Психофизиологическая характеристика стрессоустойчивости специалистов экстремального профиля служебной деятельности: дисс. ... к. биол. н. Архангельск, 2013. 133 с.
25. **Туркул А. В.** Дроздовцы в огне: картины Гражданской войны 1918-1920 гг. М.: ТЕРРА-TERRA; Книжный клуб – РТР, 1996. 400 с.
26. **Хаснулин В. И.** Этнические особенности психофизиологии коренных жителей Севера как основа выживания в экстремальных природных условиях // Проблема сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии / отв. ред. В. И. Харитонова. М.: ОАО Тип. «Новости», 2009. С. 36-53.
27. **Хорошилова О. А.** Всадники особого назначения. М.: Фонд «Русские витязи», 2013. 248 с.
28. **Ященко В. Г.** Еланские коммунары в борьбе с повстанцами и уголовными бандами: история Еланской отдельной роты особого назначения Саратовской губернии. 1920-1924 годы. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала ФГОУ ВО «РАНХиГС», 2016. 79 с.

**COMBATANTS' PSYCHOLOGICAL RESOURCES:
BY THE MATERIALS OF THE "LONG WAR" IN RUSSIA (1914-1924)**

Razin'kov Mikhail Egorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
razinkov_mihail@mail.ru

The article considers the issue of combatants' inner psychological resources under the conditions of the "long war" of 1914-1922. The study is conducted within the framework of the military-anthropological approach and is based on the conceptions adopted in such trends of modern psychological science as psychology of survival and psychology of extreme situations. Having analysed archival materials and memoir sources, the author identifies the factors, which cardinaly affected combatants' successful adaptation to extreme war conditions.

Key words and phrases: The First World War; Civil War in Russia; military and historical anthropology; vitality; psychology of extreme situations; psychophysiology; combatants.

УДК 94“19/20”:327

Дата поступления рукописи: 02.10.2015

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.11>

Статья раскрывает особенности советско-американских культурных обменов, происходивших в условиях холодной войны, и их восприятие в американском и советском обществах. Авторы акцентируют внимание на одной из особенностей духовной культуры США – понятии «американской исключительности», определявшей для их общества цели и задачи культурных обменов, в то время как правительство США ставило другую цель: через демонстрацию американского образа жизни содействовать разрушению советской идеологии. Однако именно советская идеология создавала у советских участников обмена мощные внутренние преграды для реализации идеологических задач, поставленных США.

Ключевые слова и фразы: советско-американские отношения; холодная война; культурные обмены; американская исключительность; советская идеология.

Филлипс Виктория

Университет Небраски, Колледж искусств и наук, Омаха, США
oolgann@mail.ru

Науменко Ольга Николаевна, д.и.н., профессор

Науменко Евгений Александрович, д. психол. н., профессор
Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
oolgann@mail.ru

**ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОБМЕНОВ
КОНЦА 1950-Х ГГ. – НАЧАЛА 1970-Х ГГ.
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВАХ**

Цель статьи – рассмотреть исторические предпосылки культурных обменов и проанализировать их восприятие советским и американским обществами в рамках своих идеологических систем.

Актуальность исследования связана с очередным осложнением российско-американских отношений, которые в целом имеют сложную историю и характеризуются определенной периодичностью – чередующимися